

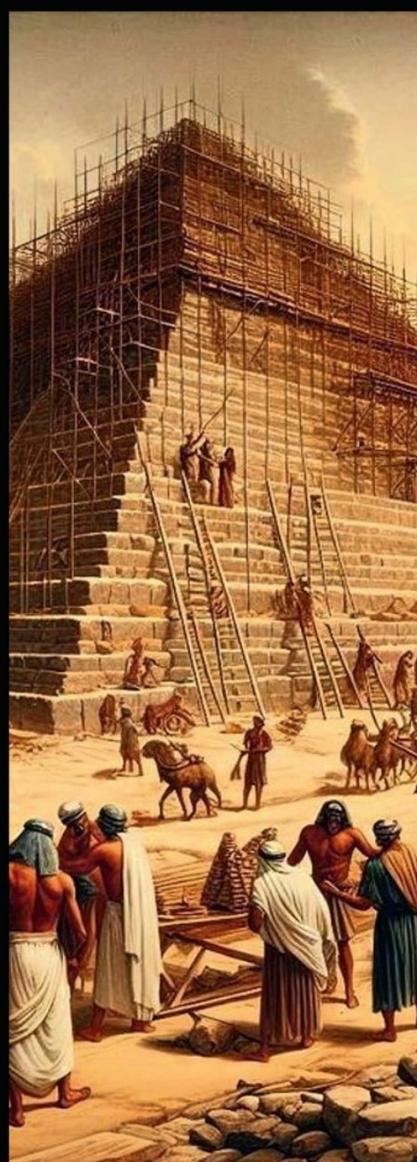
ЖИЗНЬ

НРАВЫ

ОБЫЧАИ

Евгений Марков

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТУРЦИЮ И ЕГИПЕТ

На Восток! (Вече)

Евгений Марков

**Путешествие в Турцию и
Египет. Жизнь, нравы, обычаи**

«ВЕЧЕ»

1890, 2026

УДК 910.4
ББК 26.8г

Марков Е. Л.

Путешествие в Турцию и Египет. Жизнь, нравы, обычаи /
Е. Л. Марков — «ВЕЧЕ», 1890, 2026 — (На Восток! (Вече))

ISBN 978-5-4484-5955-9

Известный в XIX в., но подзабытый впоследствии писатель, педагог, краевед и путешественник Е.Л. Марков (1835—1903) оставил яркое литературное наследие, особое место в котором занимают его путевые заметки. Книга «Путешествие в Турцию и Египет», в которой автор рассказывает о своей поездке в эти страны, разворачивает перед читателем яркую картину повседневной жизни Турции и Египта в переломную эпоху конца позапрошлого столетия. Роскошь и нищета, величие и разруха... Великое место в непростое время. Такой Турции и такого Египта больше нет и уже не будет никогда, но благодаря таланту автора вы можете увидеть их, прикоснуться к многим тысячам лет истории, заново открыть для себя место столкновения и переплетения культур и цивилизаций. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.4
ББК 26.8г

ISBN 978-5-4484-5955-9

© Марков Е. Л., 1890, 2026
© ВЕЧЕ, 1890, 2026

Содержание

К изданию 2026 года	6
Несколько слов для вступления	11
Часть I	13
I. На рубеже	13
II. Босфор	20
III. Святая София	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Евгений Марков
Путешествие в Турцию и
Египет. Жизнь, нравы, обычаи

Серия «На Восток!»

© Ермаков С.Э., предисловие, 2026

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2026

К изданию 2026 года

В Российской империи было три рода Марковых, восходивших к перешедшему на службу России литовскому дворянину. С XVII в. «родовым гнездом» той ветви, к которой принадлежал автор этой книги, стало поместье Патебник Щигровского уезда Курской губернии. Многие представители Марковых оставили яркий след в истории и культуре нашей страны.

Итак, Евгений Львович Марков родился 26 сентября (8 октября) 1835 г. Он получил известность как одаренный педагог, талантливый писатель, этнограф и краевед.

В.В. Розанов назвал его «писателем редкого здравомыслия и уравновешенности и верности нравственного чувства. Он не подымал новых тем, но когда около какой-нибудь темы происходила литературная свалка, слышались голоса резкие и противоположные, начинали замешиваться нечистые чувства, – раздавался вдруг чистый великорусский его голос... и тогда на него невольно все оглядывались и часто поправлялись в крайностях своих воззрений».

После окончания курской гимназии Евгений Львович поступил в Харьковский университет, который окончил со степенью кандидата естественных наук (1857), стажировался за границей (1858), преподавал географию в тульской гимназии. Тогда же, в 1858 г., состоялся и литературный дебют молодого автора. После публикации статей о яснополянской школе Л.Н. Толстого, вызвавших немалый резонанс в учительской среде, в 1865 г. он был назначен директором Симферопольской гимназии и одновременно директором народных училищ Крыма. Здесь молодой учитель увлекся крымоведением и прочно закрепил за собой титул «провинциального писателя». Здесь же, в Крыму, он встретил свою будущую супругу, Анну Ивановну Познанскую, тогда – начальницу симферопольской женской гимназии.

*Е.Л. Марков во время работы в Крыму.
С фотографии Левицкого*

Его коллега по преподавательской работе А.И. Маркевич вскоре после смерти Маркова вспоминал на заседании Таврической ученой архивной комиссии 23 мая 1903 г.: «В самый знаменательный момент русской жизни в прошлом веке, в эпоху наших великих реформ, назначен был в 1865 году Евгений Львович Марков директором Симферопольской гимназии и училищ Таврической губернии. Это назначение его совпало с введением нового устава гимназий 1864 г., когда Симферопольская гимназия была преобразована в классическую с

одним древним языком, но удержала прежнее право считать обязательным оба новых языка. С необыкновенной энергией взялся Е.Л. Марков за дело и трудами своими на пользу образования приобрел скоро известность во всей Тавриде. При нем вновь выработано было положение о гимназическом пансионе, который и раньше существовал при Симферопольской гимназии, но был закрыт в 1863 году за недостатком средств на его содержание. Марков нашел эти средства. Вместе с тем он подал мысль о настоятельной потребности для Симферопольской гимназии в приготовительном классе, который и был открыт в 1868 г. Благодаря энергичному ходатайству Маркова таврическое земство ассигновало средства на содержание младшего отделения приготовительного класса и пособие преподавателям русского языка, а также ассигновало крупную сумму на устройство для народных учителей педагогических курсов при приготовительном классе гимназии, которые происходили под его руководством. При Маркове было капитально перестроено здание гимназии, и в 1867 году в нем устроена была церковь. Марков обращал серьезное внимание на улучшение библиотеки гимназии, на кабинеты и классную мебель. Высокообразованный человек, просвещенный педагог, Е.Л. Марков был превосходным руководителем учащихся и строгим, но справедливым и гуманным директором для учащихся, на которых он имел самое благотворное влияние. Во всех сослуживцах и подчиненных Марков умел вселить к себе чувство глубокого уважения, энергию и любовь к делу и оставил по себе самые приятные воспоминания, которые сохранились до сих пор. Много также потрудился Евгений Львович над улучшением уездных училищ в губернии, заводил при них ремесленные отделения и всегда настойчиво доказывал необходимость профессионального образования. Заботами и настояниями Маркова число училищ в губернии постоянно увеличивалось. И действительно, какое учреждение в состоянии было отказать его ходатайству, всегда подкрепленному вескими и основательными данными? При Маркове открыто было в Симферополе и женское училище 1-го разряда, преобразованное потом в гимназию. В этом заведении Евгений Львович вместе с учителями мужской гимназии бесплатно вел преподавание. Марков возбудил весьма важный, государственного значения вопрос об обрусении татар путем просвещения. Татарские учительские школы и русско-татарские училища как в Таврической, так и в других губерниях обязаны своим существованием инициативе покойного. Дейтельное участие принимал Марков и в устройстве публичных лекций в Симферополе, и сам прочел лекцию «О зрении»».

Конфликт с вышестоящим начальством вынудил Е.Л. Маркова в 1870 г. подать в отставку. Он вернулся в Щигровский уезд, где занялся земской деятельностью, работал в банках, много путешествовал. В 1870–1887 гг. Марков жил в своем селе Александровке, много пишет, приобретает известность, как, говоря словами того же Розанова, автор второго ряда, занявший при этом в нем «место твердое, никогда не меняющееся, положение видное и очень уважаемое».

Книга «Путешествие в Турцию и Египет» (оригинальное название – «Путешествие на Восток. Царьград и Архипелаг. В стране фараонов») была напечатана в Санкт-Петербурге в 1890 г. и получила немало положительных отзывов. «Автор оставил в ней часть своей души. Он совершенно искренно интересовался новым миром, какой открывался перед ним, и сумел мастерски передать и читателям этот интерес», – отмечали рецензенты.

На самом деле первоначальный текст был куда более объемный, так что только воля первого издателя – М.М. Стасюлевича – превратила ее в двухтомник. Поэтому второй том путевых заметок, «По Святой земле», появился годом позднее.

В книге «Путешествие в Турцию и Египет» вы обнаружите немало интереснейших наблюдений и великое множество бесценных деталей, в том числе таких, которые сегодня остались только в книгах. Поэтичный язык автора, конечно, не вполне привычен современному читателю, что не делает его менее литературным, а само чтение – менее увлекательным.

Невольно сожалеешь, что Маркову не довелось побывать в Китае или Японии – в тех странах, которым посвящены две первые книги, вышедшие в серии «На Восток!». Речь идет о сочинениях австрийского путешественника и авантюриста Э. фон Гессе-Вартега «Китай и китайцы» и «Япония и японцы». Появись нечто подобное, мы могли бы наглядно засвидетельствовать разницу в отношениях и подходах представителей двух цивилизаций – западноевропейской и русской. Впрочем, несхожесть взглядов «носителя бремени белого человека» и русского педагога и писателя и без того вполне очевидна.

Активную литературную и общественную деятельность Е.Л. Марков продолжал до последних дней своей жизни. Он активно занимался краеведческими изысканиями, стал первым председателем Ученой архивной комиссии Воронежского края. Лично освидетельствовал множество исторических памятников, активно содействовал народному просвещению. Когда в Воронеже в 1902 г. появилась комиссия народных чтений, Е.Л. Марков постоянно выступал с лекциями, разрабатывал их программы, вел бесплатный кружок в рисовальной школе. Его публичные выступления привлекали большое число слушателей.

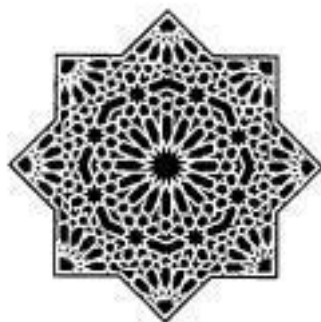
Яркий жизненный путь писателя и общественного деятеля, радателя просвещения прервался 17 марта 1903 г. вследствие быстротечного онкологического заболевания. Похоронили его в родовом имении Патебник Щигровского уезда.

В советское время Е.Л. Марков оказался почти забыт. Причиной тому, скорее всего, стало то обстоятельство, что его младший сын, Николай Евгеньевич Марков, был известен не только как публицист и писатель, но и как политик ультраправых взглядов. Резко перейдя с умеренных позиций на крайне консервативные после Первой русской революции 1905–1907 гг., в 1910 г. Н.Е. Марков занял пост председателя главного совета Союза русского народа. Но дело не только в том, что он был известен как монархист и антисемит. В годы Гражданской войны Марков деятельно участвовал в Белом движении, в 1920 г. эмигрировал в Берлин, где продолжил активную политическую деятельность, в 1943–1945 гг. вместе с генералом Красновым являлся соредактором выходившего в Берлине «Казачьего вестника». Скончался Н.Е. Марков за считанные недели, если не дни, до Победы. Понятно, что столь мрачная тень была обращена и в прошлое...

Но Евгений Львович Марков отнюдь не придерживался взглядов, к которым пришел его младший сын. Он печатался в журналах самых разных политических направлений и искренне стремился к просвещению народа. Возможно, именно поэтому читать его интересно и сегодня. Так что остается надеяться, что и другие книги талантливого и интересного автора тоже вернутся к нам.

При подготовке этого издания немало проблем доставило приведение к современному виду многих топонимов – не только из-за изменений в грамматике, а в силу сложностей с идентификацией некоторых мест, описываемых автором, и не очень качественной вычитки гранок. За сто тридцать с лишним лет, прошедших с момента первого издания, карта мира тоже поменялась. Возникли новые государства, неузнаваемы порой стали очертания населенных пунктов и их названия. Тем не менее, кажется, эту проблему решить удалось. В качестве иллюстраций, которые отсутствуют в изначальном варианте книги, использованы фотографии и изображения преимущественно второй половины XIX в. – с тем, чтобы вы могли представить описываемые места такими же или почти такими, какими их видел автор. Разобраться в тонкостях употребления редких слов и иноязычных выражений вам помогут постраничные примечания...

С. Ермаков

Несколько слов для вступления

Книга эта – скромный плод наших общих трудов и общих радостей, посвящается верной спутнице моих странствований по морям и пустыням земли, и по морю житейскому.

Автор

Мне посчастливилось в течение прожитых мною лет посетить и изучить не один любопытный уголок нашего юга. Автора «Очерков Крыма» и «Очерков Кавказа», писателя-туриста, имевшего уже случай знакомить своего читателя и со Швейцарией, и с Италией, с югом Франции и Германии, давно неудержимо манило на юг, еще более характерный и более для него новый, в теплые голубые моря, омывающие древние центры цивилизаций египетской, финикийской, эллинской, византийской и арабской.

Редкое путешествие дает столько драгоценной пищи любознательному духу и впечатлительному сердцу образованного человека, как путешествие, мною избранное и описанное в предлагаемых томах. Здесь, сравнительно на небольшом пространстве и в небольшой срок времени, внимательный турист, сколько-нибудь основательно подготовивший себя к предстоящим ему задачам, может встретить в высшей степени выразительных представителей самых несходных между собою и вместе с тем крайне интересных для наблюдения народностей, разнообразнейшие и величайшие памятники истории и поразительнейшие по своей оригинальности картины природы. Путешествие это, если оно совершается с подобающе ему серьезностью, делается еще тем поучительнее, что ведет наблюдателя почти к той же последовательности, как история вела когда-то человечество, от одной ступени цивилизации к другой, и знакомство с художественным миром язычества, с фанатическим и роскошным миром мусульманства, заканчивает глубокими впечатлениями евангельских и библейских стран, – этой священной колыбели той высокочеловечной христианской культуры, которая господствует теперь над всеми исторически живучими народами земли.

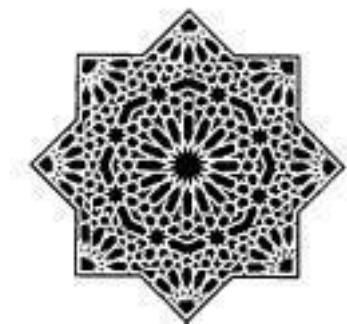
Царьград, Египет, Греция служат естественным подготовлением к Палестине и Галилее, составлявшим и в сердце автора главную цель всего его восточного путешествия. Не видеть своими глазами, не ощущать своими руками Святых мест, где жил, проповедовал и страдал двадцать веков тому назад Божественный Учитель людей в любви и истине, прискорбно для сердца христианина, в наше время, когда путешествие в Палестину вовсе не составляет, как в недавнем прошлом, самоотверженного подвига. То, что оказывается под силу скромной деревенской старушке, сберегающей какой-нибудь мешочек медных пятак из своего трудового заработка, без всякого сомнения, оказалось бы без труда доступно каждому хотящему, если бы он только захотел этого вполне серьезно.

Автор почел бы себя вполне награжденным за свой труд, если бы искренние впечатления скромного странника, не имеющие притязания ни на ученость, ни на полноту разработки предмета, зажгли бы в сердце сочувствующих ему читателей тоже страстное влечение к посещению чудных далеких стран, какое с детства волновало и двигало автора этой книги.

Жизнь меряется не арифметическим числом дней, а тем запасом переживаемых сердечных впечатлений, тем богатством духовных радостей, которые даются ему в течение скупой отмеренной ему житейского поприща его.

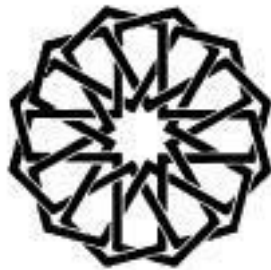
Человек, умеющий жить жизнью былых веков и далеких народов, оставляющий часть своей души и на берегах древнего Нила, и в библейских пейзажах Палестины, и среди цветущих рощ поэтической Греции, конечно, живет несравненно более широкой жизнью, чем те достойные сожаления люди, которые, подобно растениям, неподвижно прикрепленным к сво-

ему корню, доживают до старости среди усыпляющего однообразия все одних и тех же давно изведанных и приевшихся явлений своей будничной жизни.

Часть I

Царьград и архипелаг

I. На рубеже

Одесса пушкинского времени. – Европейские интересы. – Город. – Биржа. – В гавани. – На пароходе.

Одесса, несомненно, хорошенький город, Одесса – большой город, Одесса – город вполне европейский. Но я, однако, никогда не был охотником до Одессы. Я еще помню Одессу сухопутным морем своего рода, морем пыли, стоящим на берегу водяного моря. Несколько месяцев – вихорь пыли, а остальные – пучина грязи... Вдобавок никакой воды, кроме соленой. Юноша Пушкин в своих невольных странствованиях по Русскому Югу хорошо познал эти соблазны нашего доморожденного «европейского» города, и помянул его своею веселою молодого сати-рою, тщетно силившиеся хмуриться в безнадежный байроновский скептицизм:

Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

Конечно, у баловника-поэта в то время было довольно поводов изливать свою желчь не только на мостовые, но и на людей, и на судьбу...

Теперь Одесса уж не та, уж не пушкинская Одесса, хотя она и приобрела не весьма давно Пушкинскую улицу. Теперь Одесса обута, одета, напоена и накормлена. Обута в превосходную гранитную мостовую, которой должен завидовать и сам щегольски прибранный августейший Петербург, и законно прославившаяся своею древнероссийскою и всеславянскою неряшливостью «порфиноносная вдовушка» – Москва. Одета Одесса так, как не одет ни один из наших городов, да вряд ли и многие из европейских.

Ее широкие ровные улицы, перекрещивающие друг друга с геометрическою правильно-стью, с космополитическою бесхарактерностью какого-нибудь, великого в будущем, зарождающегося города Америки, далекие, как небо от земли, от вьющихся узеньких переулков нашей вонючей матушки Москвы, от всех этих Сивцевых Вражков, Плющих и Вшивых Горок, – обсажены все сплошь тесными рядами тенистых курчавых акаций. Через это весною город красуется и благоухает, как корзина цветов, а в летнее время злополучный горожанин может пробежать без зонтика целые десятки верст...

Эти уютные зеленые аллеи, уходящие бесконечными перспективами вперед, назад, во все стороны, – истинная прелесть, и наши русские губернские города, подряд застроенные двухэтажными кирпичными сундуками без стиля и вкуса, могли бы хоть сколько-нибудь смягчить и оживить свой безотрадный вид, подражая своему приморскому собрату...

Водопровод теперь обильно напоил столько лет жаждавшую Одессу, и уж, конечно, железная дорога и общество пароходства кормят ее теперь посытнее, чем даже кормил когда-то приснопамятный *porto-franco*, обогативший столько иностранцев. Зато ж и разрослась, и расплзлась вширь эта счастливая наследница эллинской и генуэзской торговли. Дачами, садами, подгородними деревнями своими она далеко охватила берега моря, которые еще очень недавно смотрели пустынными глиняными обрывами...

Одесса и порт на почтовой открытке

Впрочем, Одессе так к лицу быть именно *porto-franco* и ничем более.

Как русский, я рад, конечно, что Одесса – русская, готов величать ее русским городом.

Но в сущности это, ей-Богу, и до сих пор *porto-franco*, если не в торговом, то в другом смысле. Тут русского столько же, сколько греческого, еврейского, итальянского или английского. Все и все имеют тут полное право гражданства, и интересы Вены, Марселя, Александрии, Константинополя вряд ли тут менее живы, чем интересы Нижнего Новгорода и Тулы; точно так же, как обычаи итальянца и англичанина господствуют здесь нисколько не менее московских обычаев.

Посмотрите мимоходом на толпу. Вы не признаете в ней подлинных русских людей, характерного русского типа. Все черные, как смоль, волосы, черные страстные глаза, длинные горбатые носы жаркого южного племени. Эта смуглота, блеск, огонь – не наше русское, нам почти чуждое... Тут сказывается кровь востока, солнце юга... Даже фамилии русских людей тут звучат не по-русски, даже русская речь тут какая-то чудная, будто иностранцем исковерканная речь. Не русские, а какие-то русокопы живут здесь под именем русских.

– Вы приехали из России, вы едете в Россию? – наивно спрашивают они вас.

Ибо они, действительно, чувствуют себя не во «в самом-дельной России», а в каком-то нейтральном, международном особняке, где Россия – только одно из множества разнородных влияний, да и то, пожалуй, не из самых сильных...

Эта международная физиономия вполне подходит к городу, который вырос на развалинах древних эллинских колоний, из татарской деревни Хаджибей, принадлежавшей турецкой империи, был заложен итальянцем Дерibasом, устроен французами Ришелье и Ланжероном, состоит под российской властью и населен евреями, греками, армянами, молдаванами, итальянцами, немцами и всеми языками вавилонского столпотворения. Исторический формуляр довольно-таки пестрый! Но он вполне объясняет сладкие воспоминания одесситов о том незабвенном времени ее процветания и славы, когда она была настежь раскрытыми воротами всемирного рынка, когда в ее лицах, институтах, коллегиях русское юношество было наставляемо в правилах веры и поучаемо уроками истории преподобными отцами-иезуитами аббата Николя и его сотрудников.

Бывало, я с любопытством вчитывался и всматривался в типы левантинцев, столь характерные в жизни западных народов... Но до последнего времени мне как-то в голову не приходило, что мы, русские, давно имеем своих левантинцев в жителях всяких Одесс, Таганрогов, Керчей и пр.

Город-пристань, город-биржа не имеет настоящих туземцев, прочных граждан, к нему привязанных, им дорожащих. Все это более или менее бродячее население, плавающее и ныряющее во всех морях, во всяком уголку берега, чтобы отыскать, где поглубже, где получше. Приехал, пожил, сделал дело и опять навесил паруса, повернул нос по ветру, опять куда-нибудь попытать и искать. Сегодня в Одессе, завтра в Батуме, в Смирне, в Бейруте, в Александрии. Сегодня русский, завтра турок или египтянин. Оттого-то все левантинцы, и настоящие, и наши доморожденные; говорят по-всячески, и по-французски, и по-итальянски, и по-русски, и по-гречески, и по-турецки, и на одном хуже другого. Этот вечно меняющийся, как морская волна, наезжий народ не оставляет за собою никаких преданий, никаких корней.

Он носит на себе печать какого-то странствующего космополитизма, без труда приспосабливается к ежедневно меняющимся условиям быта. В Азии носит тюрбан и лежит на диванах, в России пьет чай из самовара и катается на тройках. Но и в нем самом, однако, могучая всеуравняющая и обобщающая сила...

Одесса на почтовой открытке

Все «общие места» европейской цивилизации нечувствительно врываются вместе с ними в жизнь, совсем чуждую Европе и европейскому, и незаметно заражают ее новыми вкусами, новыми требованиями, стирая мало-помалу исторические особенности страны, подводя все и всех к одному бесцветному общему знаменателю. Торговля, нажива – вот всемирное отечество левантинца. И если один из наших недавно рухнувших тузов этого торгового мира нисколько не стеснялся продавать турецкой армии русские тулупы в самый разгар Русско-турецкой войны, то он этим только ярче и резче, чем кто-нибудь, исповедовал истинный символ веры неподдельного левантинца 96-й пробы.

Война, национальности, интересы государства – не все ли ему равно, если такая крупная партия товара может быть сбыта с таким крупным барышом?.. Торговые идеалы, как деньги, запаха не имеют. В атмосфере биржи и банка как-то не цветут цветы науки и искусства.

Торговый люд, бульварная толпа дают тон всей жизни. Ничего действительно интеллигентного, действительно художественного, ничего сердечного и теплого не ищите в этом мире. Оттого-то университет как-то не прививается к Одессе, хиреет, тощает, кафедры его постоянно пусты, студенты и профессора бегут из него куда могут. Университету – никакого сочувствия; университет – никакого влияния. Словно он не нужен здесь, словно ему нет ни почвы, ни воздуха среди вечной суеты денежных оборотов и алчных чаяний, а так вот, взяли да выдумали его для приличия. Везде, мол, в больших городах, есть университеты; давай и мы свой университет заведем.

Комическая оперетка с скабрёзными куплетами да кружка пива в многолюдной кофейне бульвара – вот самое популярное, всякому доступное, всякому желанное эстетическое наслаждение толпы, для которой торговля – альфа и омега всей жизни. Торговля Одессы столько же русская, сколько иностранная: иностранные товары тут дешевле, чем где-нибудь у нас, русские товары тут дороже, чем где-нибудь в России. Одесса завалена русским сырьем, зерном, пенькой, кожами... Как при печорском летописце, когда еще шел «путь из варяг в греки», так и теперь наша православная Русь взамен всяких ценных изделий «заморской хитрости» сует Европе одно свое грубое сырье...

Вена здесь царствует своим хрусталем, своими модными изделиями, экипажами, фортепианами, мебелью, Марсель и Марсала прямо сюда поставляют свое вино, вытесняя дешевизною даже крымское, даже бессарабское.

Смирна и Константинополь засыпают Одессу ценными фруктами и раннею овощью...

«Из Руси же скоро, воск и мед, и челядь», – можно до сих пор повторять выразительные слова летописца... В этом городе-космополите даже и море скорее иностранное, чем русское. Правда, старый летописец уверяет, будто «Днепр течет в Понтесское море тремя жерелы, иже море словеть русское», но, вероятно, оно слыло так только в те древние дни, когда Аскольды, Олеги и Игори громили своими ладьями роскошную Византию. Теперь, что ни вымпел на корабле, все иностранцы, все Италия, Англия, Франция. Своего брата – русский корабль – разыщешь глазами среди этого международного плавучего полчища, то как будто не веришь сразу, сердце радуется...

«Ага! – думаешь. – И наши тоже есть, хоть один, а есть...»

Все миллионы четвертей одесской пшеницы увозят на себе иностранцы, а на один этот собственный наш громадный фрахт, можно бы, казалось, существовать целому торговому флоту. Признаюсь, меня всегда удивляло, как это англичане с французами решились в 50-х годах бомбардировать Одессу.

Если бы сосчитать посерьезнее, сколько интересов Европы вложено в предприятия Одессы, то, пожалуй, грозной флотилии, когда-то ее настрашавшей громом своих ядер, было бы более уместно защищать Одессу, чем храброму прапорщику Щеголеву.

Вот и одесский порт, прославившийся этою защитою... Теперь уж и он не тот! Бесконечная галерея эстакады охватывает его, как руками, и, как руки, высовывает далеко в море свои длинные пальцы...

По эстакаде этой бегают паровозы и вагоны железной дороги, чтобы встречать, разгружать, нагружать пароходы.

Гавань – это совсем особый, мало мне сродный, мир. Сколько ни живешь в приморских городах, сколько ни присматриваешься к суеде их пристаней, никак не сживешься, не освоишься с этою чуждою атмосферою. Сердцу как-то жутко и беспокойно среди этого непонятного хаоса движений и звуков.

Целая отдельная страна карантинных, таможенных, доков, пакгаузов, агентств, контор...

Через рельсы железной дороги тянется обоз малороссийских чумаков, таможенная застава торчит рядом с тюремной стеной карантина, тюки товаров навалены около гор каменного угля, камней, досок, кулей, неизвестно кем сложенных, неизвестно кем охраняемых; дымящий паровоз неистово несется через толпы снующего повсюду народа... Кто это, куда, зачем?... Не знаешь, от кого сторониться, куда оглядываться, где пройти... С берега воздымаются черные силуэты громадных кранов, с цепями, блоками, рычагами, громоздкие и могучие, как стенобитные орудия древних...

Эти чудовищные железные птицы по временам сгибают свои длинные окоченевшие шеи и, клюнув железным носом в нутро подошедшего корабля, будто соломинку вытягивают и поднимают оттуда громадные тюки... С жестким лязгом, раздирающим душу, натягиваются вдруг их ржавые цепи, и, медленно повертывая в сторону могучий клюв, они осторожно выплевывают на землю свою добычу...

Опустошено крутореброе чрево корабля, смолкли звуки цепей, и железное чудовище, вздернув высоко свой нос, покоится неподвижно в ожидании новой работы, вырезаясь на фоне яркого солнечного неба какими-то зловещими силуэтами гигантской виселицы...

Виселица вспоминается поневоле, когда толкаешься среди смурой нищенской толпы, что кишит в бесприютной тесноте одесского порта, бесприютная, оборванная, голодная, словно одна из бродячих собачьих стай, копошащихся в навозных кучах городской окраины.

Посмотрите на эти отекие, испытые лица, на эти потускневшие глаза, то с равнодушным бесстыдством, то с какою-то мрачною враждебностью оглядывающие вас. Непривычному человеку чудится, что это прогоняют мимо толпу преступников, работающих на галерах, а не свободный рабочий пролетариат, ищущий выгодного заработка в большом торговом порту.

И непривычный человек, по правде сказать, мало чуть ошибается: нынче работник – завтра преступник, а еще чаще: вчера – преступник, нынче – работник...

Во всяком случае, ночью редко кто отваживается [заходить] в эти дебри, где ночуют целыми сотнями без крова и пищи серые «труженики моря».

Вот мы пробираемся и к своему пароходу.

Он высится своим острогрудым железным корпусом, сверху весь черный и лоснящийся как черепаха, обнажая из воды свое красное брюхо, среди целой стаи таких же черных и красных водяных чудовищ, что приплыли сюда со всего света и усаживаются теперь в гавани, пыхтя, гремя, извиваясь, высматривая себе удобного местечка...

Но глаз мой любит не трубами пароходов, не живописным лесом мачт, охватывающим весь берег...

Я пристыл взглядом к характерной фигуре греческого шкипера, который важно стоит на палубе своего старого некрашеного кораблика с залатанными парусами и снимается теперь с якоря... Художник не расстался бы ни за какие сокровища с этою коренастою, плечистою фигурою в мохнатой байковой куртке, на коротких, негнущихся тумбах вместо ног, вывернутых внутрь, с этим туго налитым салом рябым лицом ястреба на толстейшей короткой шее, обмотанной в несколько раз теплым гарусным шарфом, несмотря на жар дня...

Он заложил свои руки-обрубки в карманы ничем не сокрушимой куртки, выдавшей виды на своем веку, и побрякивает отрывистою гортанною октавою, напоминающею жесткий клеткот ворона, привычную команду единственным своим двум матросам. Сейчас видишь, что это смелая и опытная птица моря, которого не смутят ни бури, ни скалы, ни темные ночи... Обломает ему осенний шторм руль и мачты, оборвет паруса, пробьет где-нибудь острием камня его крутые деревянные ребра, а он будет себе молча и упорно биться целую длинную ночь втроем против океана, добираясь к огоньку маяка, вычерпывая ведрышком водицу, затыкая тряпочками течь... Взглянуть на него – он нынче мирный шкипер, а завтра – морской разбойник, поджидающий в какой-нибудь укромной бухточке архипелага тяжело плетущийся купеческий корабль.

Я зазевался, и вдруг не то с испугом, не то с удивлением заметил, что гранитный берег с длинными железными пакгаузами, с разинувшею рот пестрою толпою стал неслышно уходить от нас, словно это был не берег, а какой-то исполинский паром, вдруг отчаливший от нашего неподвижного борта.

Шляпы и белые платки, и крики прощанья поднимались над плавно уходившею толпою... Стало быть, пароход тронулся, стало быть, мы уходим!..

Ловко, легко и точно, как магнитная игла на своем остром гвоздике, извивался громадный пароход, прокладывая себе путь к морю мимо тесно обступавших его и двигавшихся ему навстречу кораблей и пароходов... Вот уже он миновал низкую и длинную нить каменного бреkwатера, охватывающую рейд, местами уже порядочно выгрызенную морем...

Пароход легонько приподняло с носа, потом с кормы, потом качнуло в сторону... Глаз невольно окинул синий простор моря, по которому уже бежали навстречу нам пока еще редкие, белые, кудрявые «барашки»...

Кое-кто из дам заторопился в каюты. «К ночи покачает!» – послышался чей-то голос снизу... Мы с женой оставались у борта, молча пристыв глазами к быстро уходившей от нас Одессе...

Перед нами рисовался теперь на огромном пространстве контур географической карты – вся ломаная линия южного берега России...

Неизмеримый родной материк теперь за нами, и впереди – целые недели водного странствования по неведомым странам, среди чужих народов. Есть что-то глубоко торжественное и вместе глубоко-трогательное в том моменте, когда отрываешь себя от всего своего, давнего, близкого, привычного, так сказать, от собственного своего тела и крови, и бросаешься в заманчивую, но беспокойную волну далекого, неведомого... Кажется, что в эту минуту озираешь самого себя с какой-то ясно-объективной высоты, как посторонний предмет, доступный наблюдению, и переполняешься такою здоровою критикой самого себя, такими разумными и твердыми решениями.

Кажется, что кончилась теперь немного надоевшая предыдущая глава твоей житейской книги с ее ошибками, неудачами, несовершенствами, и вот начнется сейчас, с этого самого мгновения, новая чистая страница этой книги, гораздо более интересная, гораздо более удачная, на которой уже не будет никаких чернильных пятен, никаких досадных зачеркиваний...

И любовь к тому, что любишь, делается в эту минуту словно чище и глубже, и то, с чем враждовал, кажется достойным большей жалости, большего внимания, словно ты дожил до второго исправленного издания самого себя и готовишься насладиться этим повторением начисто избранных дел и мыслей твоих, слишком затерянных в неряшливых набросках первоначального чернового текста.

Мир, в котором ты жил, исчез, но ты все-таки живешь в своего рода мире...

Действительно, большой пароход – это целый особый мир... Он скрывает в своем железном чреве целые ярусы жилищ, переходы, лестницы, подземелья, гораздо более многочисленные и таинственные, чем любой вальтер-скоттовский замок. В глубоком нутре целый гостинный двор товаров, целые складочные магазины разного провианта. Наверху у него перепутанный лес снастей, мачты, веревки, блоки, цепи; целая маленькая флотилия шлюпок висит на его бортах, целые стада скота наполняют его палубы и трюмы. Никакой ковчег Ноя не сравнится своею вместимостью и своим удобством с этими дерзкими созданиями новейшего человеческого гения. Он просто строит себе плавучие населенные городки, которые на всех парах перебегают океаны, являясь неведомо откуда, из Австралии, из Южной Америки, от мыса Доброй Надежды, неведомо куда убегая, не зависимые от дня и ночи, от зимы и лета, от пыли и ветра, от всех обычных условий человеческой жизни на земле, быстрые и сильные, как стихия, разумные, как мыслящее существо.

И разве пароход не живое существо! В нем кипит энергия мысли, в нем дышат могучие легкие и бьется жаркое сердце, он гребет своими сильными руками и расстилает наверху свои воздушные белые крылья...

Понятно, что матрос привыкает к своему пароходу, как к живому другу, верит своею наивною душою в его радости и страдания... Когда он говорит вам, указывая на далекую точку горизонта: «это идет Владимир», «это идет Нахимов», то поймите, что в этом слове «Владимир» или «Нахимов» для него не одно только случайное название железного помещения, движимого мертвою силою пара, а настоящее живое имя особого живого существа, с особыми свойствами и особенной физиономией...

II. Босфор

Туманы ночи. – Ворота в рай. – Замки и виллы Босфора. – Башня Леандра. – Панорама Стамбула.

Уже одна мрачная ночь и два суровых однообразных дня пролетели над нами, а наш «Цесаревич» все еще несется вперед и вперед по незримой геометрически прямой линии, словно по рельсам железной дороги, распустив пары, смело взрезая железной грудью своей пучины «Негостеприимного Понта», которые угрюмо плещутся в своей громадной круглой чаше, и этою чуть слышною качкою давно уже угнали в каюты непривычных пассажиров...

Туманы и туманы сдвигаются отовсюду вокруг нас.

Мы разом тонем во мраке вечера и во мраке туманов... кажется, будто какой-то злой дух, оберегающий вход в райские сени юга, хочет застрашать нас этим седым лохматым маревом, пока мы еще не выбрались из мрачных пустынь севера. Капитан и все офицеры его давно наверху, хотя теперь бессильны их подзорные трубки, зеленые и красные огни поднимаемых ими фонарей. Через каждые пять минут раздается резкий предупредительный свист, пронизывающий пустынную мглу ночи, словно зловещий набат пожара... Однако ни одного корабля, даже ни одной птицы не попадаетеся нам навстречу. Сквозь беспокойный сон сердце инстинктивно считает эти частые тревожные взвизгивания парохода, кричащего в испуге, будто живой человек, среди безотрадного мрака ночи, и ждешь с малодушным замиранием, что вот-вот пароход вздрогнет от внезапного удара, и черные хляби хлынут снизу в его рассевшуюся утробу... И засыпаешь глубоко, как мертвый, в этих смутных ожиданиях опасности, закачиваемый волною, убаюкиваемый свистками сигналов... И вдруг чувствуешь сквозь сон, что стихли свистки, улеглась качка, что ты спишь покойно и недвижимо, как на кровати собственной спальни... И вот опять будто бы двигаешься, хотя уже без качки и без свистков.

– Вставать пора! Вошли в Босфор! – раздается за дверью каюты осторожный голос.

Туманы, качка, суровое и долгое однообразие черноморской пустыни совсем выбили из моей головы память о Босфоре. Торопливо набрасываю на себя платье, бужу на лету жену и бегу наверх.

Взбежал, огляделся, не понимаю со сна, что такое, где мы, где я?

Да и как понять, хотя бы и не со сна!..

Сон был здесь, наверху, вокруг плавно бежавшего парохода, а не там, в глубине полутемной каюты...

Невероятный, волшебный сон стоял кругом, охватывая меня совсем с головою, как прозрачная пучина тихого моря.

Чья-то чародейская рука смела куда-то далеко прочь, в туманы прошлого, весь тот скудный и скучный мир, который охватывал нас до сих пор, и перенесла нас, словно на крыльях птицы, в теплые и яркие горизонты рая.

Ласкающими струями плыл на нас и нежно дышал нам в лицо влажный воздух юга, полный солнца и аромата цветов, и грудь радостно захлебывалась в этой не изведанной еще ею бодрящей волне...

А впереди, по сторонам, направо и налево, – грезы сновидения... Фантастические замки, романтические башни, идиллические городки и виллы по чудным зеленым холмам, по декоративным обрывам скал, на фоне темных рощ, над голубою скатертью вод, бегущих, будто широкая речка, из одного моря в другое, огибая скалистые мыски, извиваясь в тенистые заливчики.

И грезы эти строит перед нами волшебник – солнце, этот бог-художник, к старому царству которого мы теперь приближаемся...

Утро только что загорается, прогоняя, как стадо проснувшихся овец, клубящиеся лиловые туманы с холмов и заливов, на которых они почивали... Первые лучи солнца, пробив-

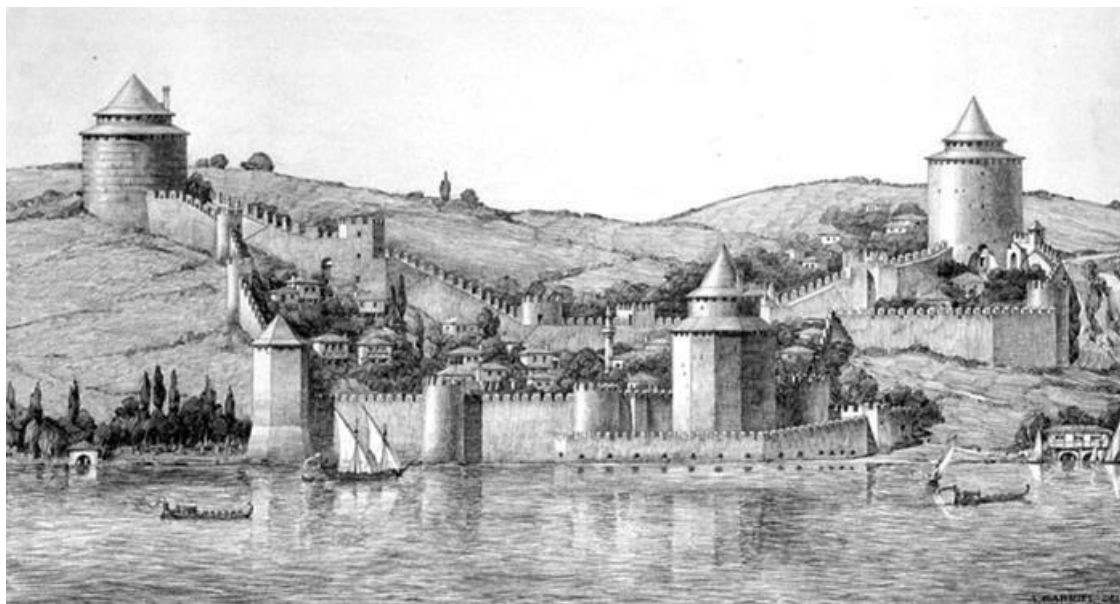
шись горячими потоками сквозь рыхлые лохмотья облаков, с чудной капризностью обливают своим розовым огнем, как расплавленным золотом, ближние выступы первого плана, рассыпают яркий дождь своих искр по мягкой зыби пролива, ударяют, как метко пущенною стрелою, Бог знает в какую даль, и там вдруг вырисовывают, среди синевы тумана, отчетливо и восхитительно, будто на стекле камеры-обскуры, какой-нибудь живописный мысок, краснеющий среди голубых вод, с белою башенкой своего маяка и беленькими домиками чуть видной деревеньки...

Вид Стамбула со стороны моря

Но раньше всех этих милостивых местечек и мирных садиков, еще от «Каваков», где пароходы обязаны остановиться и «взять практику», то есть свободный пропуск, начинают хмуриться своими мшистыми средневековыми бойницами когда-то грозные замки, замыкающие Босфор... Они торчат высоко на утесах, живописные, как декорация романтической оперы, переглядываясь с берега на берег через голубую стремнину вод черными дырами своих опустевших амбразур. На всяком выдающемся мыску, при всяком заметном изгибе русла стоят сторожевою цепью, попарно, друг против друга, эти неподвижные каменные часовые старого Царьгорода, сначала Анадолу Кавагы и Румели Кавагы, в конце еще более эффектный Румелихисар, спускающийся своими стенами и башнями к самому лону вод, и его дружка – противоположного азиатского берега, Анадолухисар.

Румелихисар – целая крепость очень внушительного вида, уцелевшая еще от завоевателя Царьграда, Магомета II. Это была первая пядь греческой земли, на которой стал своею грозною ногою грозный азиатский воитель и откуда он осилил византийские твердыни...

Крепость Румелихисар на старом рисунке

Сами же византийцы своими руками принуждены были сооружать этот неприступный замок, и мученические кости их, их пот и кровь, смешались с камнями этой кровавой постройки...

Впрочем, и сам дикий вождь османов со своими пашами, беями и улемами не гнушался священной рукою падишаха копать рвы Румелихисара и выносить из них землю.

После покорения Византии Румелихисар обратился в государственную тюрьму, в тот пресловутый для христиан «Замок Забвения», которого имя так долго наводило ужас на несчастных «гяуров», покоренных мечом правоверных.

Магомед II недаром избрал Румелихисар местом своей переправы на европейский берег. Ни один из завоевателей древности, переходивших через Босфор из одной части света в другую, не миновал этого удобного уголка. Еще Дарий Персидский, отправляясь в поход на скифов, перевел здесь свое семисоттысячное полчище, своих слонов и верблюдов по исполинскому пятиверстному мосту, построенному Мандроклесом, хитрым самосским искусником. Здесь переправлялись в Европу орды разных варваров, здесь же впоследствии и крестоносцы переправлялись из Европы в Азию.

Пятибашенный Анадолухисар – старший брат своего европейского близнеца. Он построен еще Баязидом Ильдеримом – «громом войны», как первая отдаленная угроза тогда еще могучей Византии. Император Юстиниан, великий стеностроитель, огородивший свою беспредельную империю беспредельными стенами даже по диким горам Крыма и Кавказа, думал, кроме того, оградить свою роскошную столицу крылами архистратига сил небесных. Четыре великолепных храма воздвигнуты были им на берегах Босфора: два – на азиатской, два – на европейской стороне, во имя Михаила-архангела, покровителя Царьграда, но и эти духовные твердыни не защитили от предстоявшей гибели дорогого ему города. Грозные бойницы Анадолухисара построены были оттоманскими завоевателями именно из камней разрушенного Юстинианова храма во имя свят. архистратига, и громадная серединная башня этого замка, до сих пор сохранившая свое зловещее прозвище «Черной башни» (Кара-куле), поглотила в своих немых подземельях столько же христианской крови, сколько и мрачный сосед его на европейском берегу...

Но теперь эти громоздкие средневековые твердыни так же беспомощны и жалки, как был бы жалок и беспомощен рыцарь-крестоносец в своей железной одежде, с своим пудовым копьем, на поле современной битвы, где мальчишки-рекруты, набранные каких-нибудь два

года назад, спокойно расстреливают из своих земляных нор богатырей и героев, обдавая их за три версты тучами невидимых пуль.

Теперь гораздо беспокойнее озирается иноземный корабль на те низенькие, неказистые земляные насыпи, приодетые, как волк в овечью шкуру, в мирную зелень газона, что прилегли к самому лицу воды у подножия мало страшных теперь утесов, увенчанных башнями.

В чуть заметные вырезки зеленого газона глядят чуть заметные черные кружки, словно злые глаза молча притаившегося в своей норе страшного зверя...

Буюкдере – первый большой залив Босфора у европейского берега... Это место сохранило в себе до сих пор следы пребывания крестоносцев; семь маститых, сросшихся вместе платанов, которые турки называют теперь «семь братьев» и под которыми каждый вечер собираются для гулянья обитатели Буюкдере, – только уцелевшие остатки знаменитых «сорока платанов Готфрида», под которыми восемь веков тому назад был разбит, по народному преданию, лагерь первых «божьих воинов». Местность эта прозывалась в древности «Ключи Понта», а теперь, в виде ли соблазнительного исторического пророчества, или только в виде исторического воспоминания, вызывающего горький вздох, называются у турок «Баб-эль-Москов» – «Ворота русских». Оглянешься на берега и поневоле уверуешь в это название, несомненно, льстящее русскому самолюбию...

Направо весь берег в глубине залива действительно русский: русское правительство, еще при Екатерине II, купило у одного английского барина все это великолепное и обширное место и устроило там летнюю резиденцию для нашего посольства. У подножия чудного горного парка, на темном фоне кипарисов и чинар, кое-где обнажающих живописные дорожки, мостики и павильоны, возвышается у самого берега моря, на просторном зеленом дворе, как истинная барская усадьба, красивый летний дворец нашего посольства, игравший, бывало, такую первенствующую роль в советах Оттоманской Порты, когда хозяевами этого посольства бывали люди цельного русского чувства и цельного русского характера...

На азиатском берегу – другой след русской силы. В тенистой роще Ункяр Искелеси, укрывающей на берегу древнего Нимфея летние киоски султанов, а когда-то укрывавшей роскошные летние дворцы византийских императоров, стоит до сих пор обломок гранитной пирамиды, покрытый узорчатыми золотыми строками турецкой надписи...

На нем есть и одна короткая русская строка: «25 июня 1833 года».

На этом месте стоял наш отряд Муравьева, посланный спасти столицу оттоманов от восставшего турецкого вассала, Мухаммеда-Али-паши Египетского; победоносный Ибрагим-паша, сын Мухаммеда, вынужден был остановить свою армию ввиду русского отряда и не двинулся дальше Врусы. Оттоманская Порта была, таким образом, спасена штыками русских...

Событие, которое мало кто помнит и которое принесло России так же мало пользы, как и неразумно великодушное спасение в 1849 году коварной Австрии от победоносных войск Гёргея, Дембинского и Вема...

Крепость Анадолухисар на почтовой открытке

Дом австрийского посольства сбоку нашего, но далеко не имеет того внушительного вида, который делает дом русского посольства естественным центром и господствующим пунктом всего Буюкдере. За Буюкдере оба берега Босфора обращаются в сплошной город дач и садов... Тут все летние резиденции посольств германского, английского, французского.

Суровый готический замок английского посольства, охваченный густым парком, и сейчас же за ним совсем казенный, безвкусный дом французского посольства приютились у подножия гористого мыса Черешен (Кереч-бурну), на самом берегу моря. За ними уже начинается Терапия, славившаяся издревле своею целебною местностью, давшей ей имя, издревле застроенная монастырями и дворцами богатых византийцев...

Пароход движется словно по оживленной улице самого красивого и самого цветущего города в мире. Никакая прогулка по узким стоячим каналам Венеции, в тесноте ее замшившихся мраморных палаццо, не может сравниться с этим игривым бегом парохода по вольному простору морского пролива, застроенного по обоим своим живописным берегам, по всем лесистым холмам, скалистым мыскам и уютным заливчикам своим, на протяжении каких-нибудь 12–15 верст, сплошными городками хорошеньких дач, великолепных дворцов, тенистых парков. Мы несемся с какою-то удалой и радостной быстротой, словно по бесконечной картинной галерее живых пейзажей, мимо всех этих Бебеки, Ортакей, Бешик-Ташей, и не знаешь уже, куда оглядываться, чем наслаждаться...

В Бешик-Таше целое гнездо султанских дворцов, павильонов, мечетей и парков. Наверху этого крутого холма, густо убранного зеленью садов, прячется труднодоступный Ильдыз-Киоск, любимая резиденция нынешнего султана; внизу у самого моря, великолепная мраморная тюрьма Чараганского дворца, окруженная со всех сторон часовыми и караульными... Там томится мнимобезумный султан Мурад, в ближайшем соседстве со своим восторжествовавшим соперником, который сидит высоко над ним в своем изящном дворце, не спуская с него глаз, как неусыпный тюремщик в своей сторожевой башне... После безжалостной казни ножами, погубившей Абдул-Азиза, плен в мраморной клетке, над голубыми струями Босфора,

под сенью чудного парка, еще слишком милостив для неудачного похитителя трона оттоманского...

Несколько окон Чараганского дворца, выходящих на воду, были открыты при проходе нашего корабля, и низверженный султан, очевидно, прохлаждался под ними с кем-то из своих близких.

От Чарагана до Долмабахче расстояние очень близкое. Долмабахче, т. е. «Насыпной сад» – самый официальный и самый роскошный из дворцов султана. Это громадный беломраморный лабиринт в 300 комнат, почти в самых волнах моря, построенный еще при Абдул-Меджиде архитектором Вальяном. Золотые решетки и золотая отделка его эффектно вырезаются на сверкающем фоне белых мраморов, как раз над голубым лоном Босфора... А сзади эти белые мраморы и это золото вырезаются в свою очередь на зелени сада, у подножия холма, увенчанного огромными корпусами кавалерийских казарм и военно-медицинской академии... Это уже последнее загородное местечко, потому что сейчас за Долмабахче начинаются предместья Константинополя – Фундукли и за ним Пера с Галатой...

Дворец Долмабахче

А на той стороне пролива уже стелется, между тем, по всем уступам и скатам крутого берега азиатская половина Стамбула – Скутари, древний эллинский Хризополь, «Город золота», громадный сам по себе город, с целю сотнею тысяч жителей, подчиненный особому от Стамбула военному губернатору.

Это не только последний громадный базар старой Азии, к которому, как к центру, причаливают все торговые караваны, направляющиеся в Европу, но и последний поворотный пункт старой языческой истории. На полях древнего Хризополя Константин сокрушил своего противника Лициния и положил тем начало единой христианской империи и столице ее, городу Константина.

Под скатами скутарийского берега, на незримом островке-камушке вырезается среди ярко-голубого моря ярко освещенная утренним солнцем белая башенка... Мы сразу отгадали в ней башню Леандра, или, вернее, башню Девы, Кыз-Кулеси, как ее называют турки... У ног ее кончается Босфор, а за нею уже стелются широкие воды Пропонтиды...

Не знаю, действительно ли это та самая башня, где жила Геро поэтов? Греческие легенды говорят о Геллеспонте, об Абидосе...

Но интерес в самом предании, а не в историческом или скептическом расследовании его.

Геро была юная весталка, но жрица не Весты, а Венеры – целомудренной... Уверяют, будто было когда-то счастливое время, когда этот титул *Venus pudica*, *Venus decens* по праву принадлежал царице любви...

На берегу Геллеспонта, посреди неприступных стен города Сестоса, высился знаменитый храм, посвященный «матери любви». Ежегодно весною толпы юношей и дев, отвергнутых любовников и покинутых жертв любви стекались сюда праздновать праздник богине Афродите и молить ее милостей... Пришел и молодой красавец Леандр из Абидоса, поднести царице юности сосуд с благовониями и гнездо горлинок, посвященных ей птиц любви...

Поднимает глаза и видит у алтаря живую Афродиту, целомудренную жрицу ее, Геро...

Леандр прячется в темных сводах храма и, когда удаляется толпа, бросается на колени перед найденной им богиней... Но Геро недоступна. Геро стережет верная рабыня отца, которая после жертвоприношения сейчас же увозит ее в пустынную башню на остров... И вдруг ночью, среди рева волн, Геро в стенах своей башни слышит крик, взывающий о помощи... Рабыня вводит к ней спасенного из волн красавца-героя. Боги Геро требуют гостеприимства к страннику, ухода за утопающим... Каждую ночь повторяется тот же крик, та же сладкая встреча. Жрица богини любви имеет священную силу соединять любящих. Они обвенчаны здесь, в этой пустынной башне, среди плеска волн. Каждую ночь фонарь на вершине башни указывает удалому юноше зыбкий путь к ожидающему его счастью. Но вот наступает зима. Волны Босфора стали неукротимы. Геро умоляет своего друга подождать до весны, не доверять себя пучинам ночи... С горем уступает Леандр и в немом страдании томится на утесе противоположного берега...

Вдруг знакомый огонь фонаря, по привычке поднятый забывчивою рукою, неожиданно пронизывает мрак ночи.

Юноша забыл все и, не раздумывая, бросается в хляби расвирепевшего ночного моря, а Геро – уже на скалах берега в отчаянии, что возлюбленный ее уступил ее мольбам, что он теперь не с нею, и сама чуть не бросается в пучину, чтобы плыть в его объятия... И вдруг всплеск волны... Бездыханный труп Леандра катится к ногам жрицы... Он предупредил ее. Она падает мертвая на дорогой труп, и утром народ Сестоса хоронит у капища богини любви верную любви пару...

Лорд Байрон, классический любитель эксцентричностей всякого рода, попробовал повторить подвиг Леандра и переплыть пролив, приобретя в трофей вместо объятий Геро пароксизмы лихорадки; но я не помню хорошо, переплыл ли он Геллеспонт в том месте, где предполагают место Абидоса и Сестоса, или же Босфор у башни Леандра.

Моряки наши, впрочем, уверяли меня, что никакие человеческие силы не одолели бы могучих течений Босфора, врывающихся то в Пропонтиду, то из Пропонтиды, между башнею Леандра и берегами Константинополя... Ученым и книги в руки...

Мы совсем подплываем теперь к Константинополю. Бесконечный город дач, охватывающий все изгибы морской реки, обсыпавший своими разноцветными домиками-башнями, нагроможденными друг на друга, цветущие холмистые берега ее, нечувствительно сливается с предместьями столицы...

Пароход бежит среди этих быстро чередующихся страниц чудного альбома, и они свертываются за ним в еще более очаровательную постоянно меняющуюся перспективу, которая то и дело загораживает сама себя частыми изломами берега. Кажется, будто чья-то невидимая рука безостановочно выдвигает одну новую картину за другой, сменяя старые, как стекла волшебного фонаря...

В то же время впереди эта узкая голубая лента Босфора вдруг широко раздвигается в какое-то ослепительное озеро нежной бирюзы, и по берегам его, направо, где Европа и налево, где Азия, начинают воздыматься все ближе, все выше, все неохватнее, исторические холмы священной Византии, надвигаясь с обеих сторон громадными амфитеатрами своих пестрых домов, мечетей, башен. Сначала цивилизованная Пера, взобравшаяся своими богатыми европейскими домами, своими магазинами, школами, дворцами посольств, кипарисами своих кладбищ, на самый высокий гребень горы; ниже ее средневековая торговая Галата, толпящаяся у ног старинной и огромной Генуэзской башни, охватывающая своими агентствами, конторами и складами шумную корабельную пристань со всею ее грязью и сутолокою...

И потом, слегка отступя за серп Золотого Рога, сам золотисто-туманный Стамбул, раскинувшийся на своих семи классических холмах целый необозримый хаос белых и пестрых домов, уткнувшихся друг в друга, насыпанных на эти холмы и во впадины этих холмов, тесно и беспорядочно, как куски рубленого сахара в ящике, и среди этих мириад разноцветных домов, резко выделяясь из их мелкоты, живописно белея среди яркой лазури неба, высоко торча над ними, на всякой вершине холма, на всяком сколько-нибудь видном местечке, сотнями поднимаются огромные круглые купола, бесчисленные мелкие купольчики и стройные белые минареты стамбульских мечетей... Эти громадные мечети старых знаменитых султанов, прежде всех Сулеймания, самая высокая, самая эффектная, потом Айя-София, Баязидие и множество других, одевающие будто царственным венцом каждый холмик Стамбула, заканчивают собою наверху с удивительной художественной полнотой весь этот необозримый хаос крыш и стен, кишачих у их подножия, и придают живописному силуэту громадного города, вырезающемуся на ярком небе, ту резкую определенность и характерность, которые делают его единственным в мире...

Девичья башня

Глядя на него, сразу чувствуешь, что это действительно столица ислама, город грозных завоевателей. Эти сотни минаретов на его холмах стоят высоко, прямо и торжественно под сводом голубого неба, как гигантские белые свечи, воздвигнутые Богу целым народом, ограждающие его своею священной тенью, предстательствующие за него в тех высях, куда подняты

их тонкие изящные вершушки... Недаром и в мечетях Стамбула всегда стоят около священной ниши мираба громадные, поднимающиеся до самых сводов, восковые свечи.

Но минареты эти – не только свечи молящегося народа; это еще частый лес каменных копий, победоносно водруженных исламом над покоренною столицею христианства и вонзающих свои воздушные острия в небо Аллаха. Когда смотришь издали на холмы Стамбула, этот воинственный, ошестинившийся длинными белыми стрелами характерный силуэт его поражает прежде всего и уже никогда не изгладится из памяти...

Все ближе, все тише вливаем мы, между тем, в царственный город, мимо тесных полчищ кораблей и судов со всего мира. Все выше, все шире надвигаются над нашею палубою, онемевшею теперь от изумления и восторга, грандиозные амфитеатры Перы и Стамбула, разъединенные далеко вдавшеюся в землю голубою косою Золотого Рога.

Прямо перед нами гористый мыс Сералья, живописно врезавшийся в море, отделяет своим каменным горбом воды Золотого Рога от широкой глади Пропонтиды и прячет в заманчивой зелени своих кипарисовых рощ бесчисленные куполки, башенки и вышки своих таинственных белых теремов... Это святая святых Стамбула, место древних «Золотых палат» роскошных императоров Византии, место дворцов и гаремов старых султанов-завоевателей...

А левее через сверкающую гладь моря-озера, кое-где усеянного скалистыми островками, тонут в нежных туманах дали бесконечные перспективы азиатского берега, круто повернувшего от тесно застроенных холмов Скутари, от громадных черных рощ его мусульманских кладбищ...

Теперь перед нами как на ладони, лицом к лицу, во всей своей характерной красоте, исторический Царьгород, старый владыка мира, которому многовековая народная молва пророчит владычество и над миром будущего...

III. Святая София

Галата. – Мечеть Айя-София. – Турецкая осада русского парохода. – Константинов храм Премудрости Божьей. – Исторические реликвии. – Благочестивая легенда.

Русский лоцман, ловкий и смелый бородач, на своем крошечном самоваре-пароходике благополучно провел наконец наш пароход к нашей русской бочке, как раз против агентства; матросы в ту же минуту завели конец каната, и мы живо стали подтягиваться к ней.

С оглушительным жестким лязгом стала развертываться неровными толчками с парового ворота тяжелая железная цепь, которую жадно глотал за собою в глубину спущенный в нее массивный якорь.

Пароход наш в осаде со всех сторон... Воды уж не видно, везде качаются, продвигаются, трутся друг о друга, разукрашенные каюки, огромные барки, окружившие свою добычу... По лестницам трапа, справа и слева, берут нас на abordаж, неистово крича, толкаясь, тузя друг друга, перелезая друг через друга, усатые мусульманское рожи в фесках, чалмах, платках, босонogie, полуголые...

Кажется, сейчас обломают они дрожащие узенькие лесенки и вместе с ними рухнут в море.

Вот они попадали, кто как попал, через борт, через головы соседей, на нашу палубу и наводнили ее, как взятую приступом крепость...

Они хватают и теребят в разные стороны озадаченных пассажиров, вырывают у них из рук багаж и дерутся за них между собою, как за настоящих военных пленников; не успеет бедный путешественник оглянуться, как уже неведомая властная рука, овладевшая его персоною, тянет его силою по трясущимся ступенькам лесенки, на какую-нибудь качающуюся лодку, в то время как другие многочисленные, столь же неведомые и столь же насильственные руки, с криком мести и бранными угрозами уносят на свои лодки, как трофеи победы, его злополучные мешки и чемоданы. Опытные местные люди, впрочем, без всякой церемонии колотят кулаками, зонтиками, палками направо и налево в эту нападающую толпу, которая и не воображает обижаться на столь естественные меры защиты. А тут же, среди этой гогочущей и толкающейся толпы, громадные пароходные краны ворочают, как ни в чем не бывало, свои длинные железные клювы, гремя цепями, пыхтя и свистя струями пара, и выклевывают из глубоких недр трюма легко и спокойно, как бирюльки крючком, одного за одним целые сотни двадцатипудовых рогатых волов и переносят их, так же легко и спокойно, на подплывшие барки, покачивая их, изумленных, растерянных, на широких ременных подпругах, словно младенца на помочах, высоко над волнами моря...

Портовый грузчик

Столпотворение вавилонское и здесь, на палубе, где тащат тюки, гремят цепи, ползут и хлещут веревки, и в каютах, откуда, толкаясь, выбираются пассажиры, и на воде, где безостановочно дышат, несутся, вдвигаются и выдвигаются, грузятся и разгружаются огромные иностранные пароходы и мелкие прибрежные пароходики, где снуют и реют, перекрещивая друг друга, как встревоженные птицы в своем полете, обгоняя, сторонясь, увертываясь, всевозможные парусные суда, каюки, барки и шлюпки... Крик, брань, стукотня, визг, свист и храп паро-

ходных труб наполняют все кругом, и в этом оглушающем хаосе движения и звуков забываешь даже любоваться чудными амфитеатрами надвинувшегося над головой Царя-города...

Жирный важный кавасс¹ русского посольства, расшитый с головы до пяток золотыми шнурами и позументами, вооруженный, как на войну, дорогим оружием, провожает в хорошенький, убранный ковриками каюк нашего молодого спутника, прибывшего из Питера на должность секретаря консульства в Филиппополь.

Мы тоже отправляемся вслед за ним на берег, вместе с парой наших милых спутников, англичан, которые должны в тот же день отъезжать на греческом пароходе из Константинополя в Афины... Англичане эти преоригинальные субъекты. Худенький постный старичок с неимоверно огромным и неимоверно рдеющим носом, одетый с тою домашнею бесцеремонностью, которую позволяют себе только одни англичане; супруга его, высохшая в мумию, с ног до головы траурная леди, когда-то красавица собою, в таком фантастическом плаще по пятки на своем бесплечем скелете, которого, конечно, не придумала бы ни одна модистка Парижа.

Это – Ричардсоны, богатые владельцы пароходных верфей в Ньюкасле. Супруг, инженер, зачем-то пронесся с необыкновенною быстротой из Варшавы в Крым, осмотрел Керчь, Ялту, Севастополь, побывал в Одессе и теперь, при возрастающих слухах о войне, стремится назад в Англию с такою поспешностью, что не захотел даже осмотреть никогда им не виданного Константинополя, хотя принадлежит к числу весьма образованных и любознательных людей... Мы насилу уговорили наших интересных спутников присесть в нашу коляску, чтобы осмотреть вместе с нами до отхода английского парохода хотя одну Святую Софию. На пароходе мы наняли в драгоманы, по рекомендации капитана, Марко Митровича, славянина, говорящего по-русски, а потому берущего по 10 франков в день вместо 6, и вместе с ним и Ричардсонами полетели на легком каюке к берегу Галаты целую флотилией обгонявших друг друга лодок.

Расфранченные дамы и столичные кавалеры прекомично покачивались на развеселившихся волнах пролива, ухватившись в малодушном страхе за борта быстро ныряющей лодки и жалобно поглядывая на волны; среди этого бесцеремонного торгового шума, запыленных рогожных тюков, закопченных дымом ящиков, среди серых воловых стад и серой рабочей толпы, чем-то странным и неподходящим выделялись их лакированные саквояжи и чемоданы, их щегольские шляпки в цветах и кружевах, только что взятые из модного магазина.

Галата – старое итальянское предместье Константинополя, а итальянский городок и грязью, и узкостью улиц, и всем характером своим мало разнится от восточного города...

Это – тот же Стамбул, в котором несколько больше европейских лавчонок и несколько меньше азиатских. Сейчас же за таможей нас охватили узкие выющиеся по горам переулки, битком набитые идущим, бегущим, сидящим и лежащим восточным народом. На всяком шагу открытые кухни; самокрутящиеся вертела жарят баранов и козлят, на огромном деревянном блюде турок-повар в чалме, с засученными рукавами, проворно рубит широким ножом аппетитно пахнущий блин-пирог...

Где ни кухня, там кофейня, где ни кофейня – цирюльня. Толкотня в самом маленьком переулке такая, какую не всегда увидишь на бульварах Парижа. Крики, разговор, смех... Все и все на улице, никто ничем не стесняется, все запружено взад и вперед... Открытую коляску можно достать только наверху, в Пере. Мусульмане возят своих дам только в закрытых каретах, поэтому в Стамбуле нет колясок. Пришлось сесть на воздушную железную дорогу, которая через прорытый туннель сообщает Галату с главной улицей Перы...

¹ Кавасс (kawass) – османский турецкий термин, обозначающий вооруженного охранника, прежде всего страж и сопровождающий XIX века. – *Здесь и далее прим. ред., кроме особо отмеченных.*

Мост через залив Золотой Рог

Там мы наняли за 20 франков в день хорошенькую *panier de Nice*², с бравым кучером-мальтийцем, который знал иностранные языки и достопримечательности Константинополя гораздо лучше нашего драгомана³ Митровича.

Мы отправились из Перы через нижний мост Золотого Рога, прямо в Святую Софию. На мостах Золотого Рога за каждый проезд берут 6 пиастров и сколько-то за каждый проход; а так как эти мосты – единственные артерии, соединяющие Стамбул с европейскою стороною, и на них никогда не расходится взад и вперед снующая толпа экипажей, всадников, пешеходов, то нужно полагать, что собираются миллионы... Но так как они собираются очень патриархально, прямо в горсть каких-то оборванцев, торчащих посреди моста, то вряд ли муниципальный фиск города Константинополя видит в своих сундуках даже маленькую половину действительного сбора...

* * *

Святая София стоит на холме Сералия, сейчас за знаменитой Портой Оттоманской. С Мраморного моря она первая поражает путешественника своею высотой и громадностью своего купола; но от Босфора, от Перы, от Золотого Рога мечеть Сулеймана, венчающая самый высокий из холмов берега, владевает над всем Стамбулом, и новичок, прибывающий из России, непременно принимает ее за Софию...

Вот мы, однако, и перед нею. Никакой площади, никакого простора кругом, узенькие переулочки с маленькими домиками, как и везде. Она сама вся застроена пристроечками, придельчиками, примкнутыми к ней стенами, домами, лавчонками. Но в этой грязной варварской обстановке, из этого неопрятного хаоса случайных и глупых построек, перед вами все-таки

² Вид повозки.

³ Зд.: гид-переводчик.

высится нечто великое и чудное, высится громада, стройность, смелость и красота, которым недаром удивлялись века...

Необъятный центральный купол Айя-Софии, несколько сдвленный сверху, опирается на целую систему меньших куполов, полукуполов и купольчиков, постепенно понижающихся кнаружи.

Айя-София

Четыре высоких минарета на углах придают этой древней святыне христианства воинствующую физиономию истой мусульманской мечети. В Святую Софию теперь уже спускаются, как в пещеру, по северной грязной лестнице бокового входа, полной обломков и сора, возмущающих русскую душу.

Громадные входные двери прикрыты тяжелыми занавесами из полинявшего и изодранного красного сукна, подбитого кожей и украшенного вышитыми строками Корана. С галереей главного входа в храм ведут девять таких наглухо завешанных дверей... Летописцы уверяют, что в древности в Святой Софии было 365 дверей и 365 престолов, но числу дней года...

Над дверями чуть виднеются, сквозь из-под слоя извести, неразрушимые узоры древних мозаик. Мулла надел нам поверх сапог истоптанные кожаные бабуши и приподнял угол тяжелого кожаного занавеса...

Один за одним осторожно пригибались мы под него и входили во храм...

Нас сразу охватила благоговейная таинственность святого места. Мы словно потонули вдруг в его величавой громадной пустынности. Над нами стоял чудный свод каменного неба, тихо сиявшего на нас своим голубым светом сквозь поддерживавший его венец полукруглых окон, а вокруг стлалась целая мраморная площадь, охваченная как стволами векового леса двумя ярусами драгоценных колонн зеленоватого порфира, темно-красной яшмы, серо-пестрых и желто-голубых мраморов из Ливии, Мидии, Фессалии... Каждая колонна – историческая реликвия, когда-то исторгнутая из храма Эфесской Дианы, из Баальбека, из Трои, из Рима,

Афин. Целые тысячелетия оставили здесь свои памятники и свои сокровища... Разноцветные мраморы, такого же богатства, такой же красоты, одевают и стены этого колоссального храма... Из мрамора вырезан и крытый павильон падишаха, и обширная галерея для певчих, и изящная, будто бы кружевная, лестница кафедры, и усыпальница султанов... Все эти мраморные постройки совсем не заметны в громадном охвате храма. Сам кажешься себе таким крошечным, ничтожным, подавленным среди его колоссальных размеров... Голос человека словно боится нарушить торжественное безмолвие этой священной пустыни, и мы двигаемся по ней, от одной дивной подробности к другой, в изумлении созерцая ее чудную громаду и не дерзая спугнуть суетою своих речей охватившего нас благоговейного настроения. Какие-то глухие, не смолкавшие звуки, словно назойливое жужжание насекомых, впрочем, неслись из далеких углов храма, нарушая его таинственное молчание. Когда мы приближались к сквозным мраморным навесам, стоявшим около колонн, мы видели коленопреклоненных молодых софтов⁴, в фанатическом забвении выкрикивавших стихи Корана. Бледные, с запекшимися губами, с разгоревшимися глазами, они раскачиваются и бьют головой в землю на своих молитвенных ковриках целые часы сряду, обратясь лицом к Мекке, позабыв обо всем мире.

Они не оглядываются на нас и не прекращают своих унылых причитаний...

Христианский алтарь вынут, и священный «мираб» мусульман, разукрашенный мрамором, перед которым стоят прикованные железом к стене исполинские, как стволы дерева, расписные и раззолоченные восковые свечи в таких же гигантских подсвечниках, перед которыми висят лампы со страусовыми яйцами и пучками пшеничного колоса, повернут несколько наискось против большого алтаря, как раз на Каабу; доска красного мрамора указывает ее направление.

Турецкие мечети убираются просто. Никаких изображений человека или чего-нибудь живого. Бесценная мозаичная иконопись древней Софии наглухо замазана густым слоем золотой краски, и только четыре громадные мозаичные фигуры апокалипсических шестикрылых серафимов, изображенные на парусах четырех главных пилястр, поддерживающих купол, почему-то оставлены нетронутыми, хотя лица их уничтожены варварскою рукою...

Взамен икон развешаны кое-где по стенам и аркам круглые черные щиты и длинные зеленые таблицы, исписанные золотыми строками Корана, да древние ковры Мекки, расшитые шелками по зеленому фону, освященные прикосновением к камню Каабы...

На одном из старых полинявших ковров молился, по турецкому преданию, сам пророк Магомет, подлинный Коран которого, переписанный рукою его преемника Омара, хранится доселе в недоступной таинственной библиотеке Святой Софии. Множество железных прутьев и цепей спускаются сверху, и над всею обширную площадью храма, довольно низко над полом почти сплошь висят деревянные треугольники, круги, многогранные звезды, увешанные многими тысячами самых невзрачных, но зато бесчисленных лампад и шкаликов... Очень характерно как неизменный обычай мусульманской мечети, но оскорбительно до боли для глаза художника! Эта гнусная паутина турецкого варварства, раскинувшая свои неуклюжие тенета по всему пространству художественной и исторической святыни, везде торчащая над головою, везде становящаяся между красотой храма и глазом, благоговейно созерцающим ее, все-таки не в силах заслонить собою, как не в силах заслонить все эти нелепые картонные щиты и поношенные ковры, той чудной гармонии линий, той необъяснимой прелести геометрических форм, которыми дерзновенно вздымался над нами колоссальный воздушный купол, осеняющий собою целую площадь, которыми смотрели на нас со всех сторон строгие античные колоннады, поистине достойные чертогов Божьих, и светлые радующие глаз ряды изящных окон...

⁴ Учеников в исламском учебном заведении.

Этот христианский храм средневековой Византии – прямое наследие художественного гения древних эллинов. «Когда Христос вошел в этот дом, Юпитер только что вышел из него!» – прекрасно выразился о нем один тонкий французский наблюдатель.

На одной из яшмовых колонн нам показали, высоко над полом, резкий и глубокий надруб...

Это Магомет Второй, завоеватель Византии, разрубил каменный столб своею могучею саблею, въехав во храм Софии верхом на коне по горам трупов, говорит легенда. Оттого так высоко и пришелся его удар. А вот немного дальше, на другой колонне, кровавый след его правой руки, облитой кровью изрубленных им врагов... Беспощадные сподвижники Магомета топтали своими конями и внизу, и на хорах храма толпившихся там детей и женщин.

До сих пор на эти хоры без труда можно въехать верхом по просторной и пологой спирали, вымощенной большими плитами и выющейся без ступеней наверх... На обширных хорах еще больше запустения. Мраморные плиты потрескались и повыгнулись, как волны моря; в разбитые окна свободно влетают птицы, и галки, и голуби вьют свои гнезда под сводом купола... В византийскую старину эти хоры или «палаты» назначались для женщин, которые по обычаям Востока были отделены от мужчин и закрыты от глаз их... «И как это дивно и умно было устроено, – рассказывает один из наивных старинных паломников наших, – женщины стояли за прозрачными занавесками, их лиц и нарядов никто из народа не мог видеть, а они, стоя на палатах, видели все...» Тут же «певчие пели пение пречудное и стройное и ум превосходящее», то действительно чудное пение, которое когда-то пробрало даже грубую шкуру дикаря-славянина и заставило его забыть излюбленных Купал и Перунов.

В глухом углу хор мы наткнулись на гробовую плиту Генрико Дондоло, дожа венецианского, почти столетнего слепца, который вероломно обратил силы христиан-крестоносцев на разрушение и расхищение христианской империи. «Человек весьма мудрый и весьма сильный, хотя и слепой, но провидящий многое и во мраке глазами ума», – выражается о нем в благоговейном ужасе греческий летописец.

На хорах уцелело много мозаичных арок, очищенных от той грубой золотой краски, которою покрывала их безжалостная рука турецкого фанатика. По этим удивительным образцам можно судить о красоте, вкусе и роскоши во внутренней отделке древнего храма... Несокрушимые тысячелетиями ковры из камней самоцветных, во всей волшебной пестроте и красоте своих красок, в строгих художественных линиях своих фигур, одедали когда-то сплошным драгоценным убором весь этот необъятный свод, все эти купола, арки и ниши, столбы и стены...

Сторожа-турки, более нечестивые, чем Омары, систематически ковыряют теперь из обнаженных арок эти цветные камушки, пережившие народы и царства, и горстями продают их потихоньку посетителям-туристам. И я был настолько малодушен, что тоже протянул двуфранковик гнусному святотатцу в обмен за пригоршню бесполезно награбленной святыни, вместо того чтобы схватить его за шиворот и сбросить вниз головою с хор.

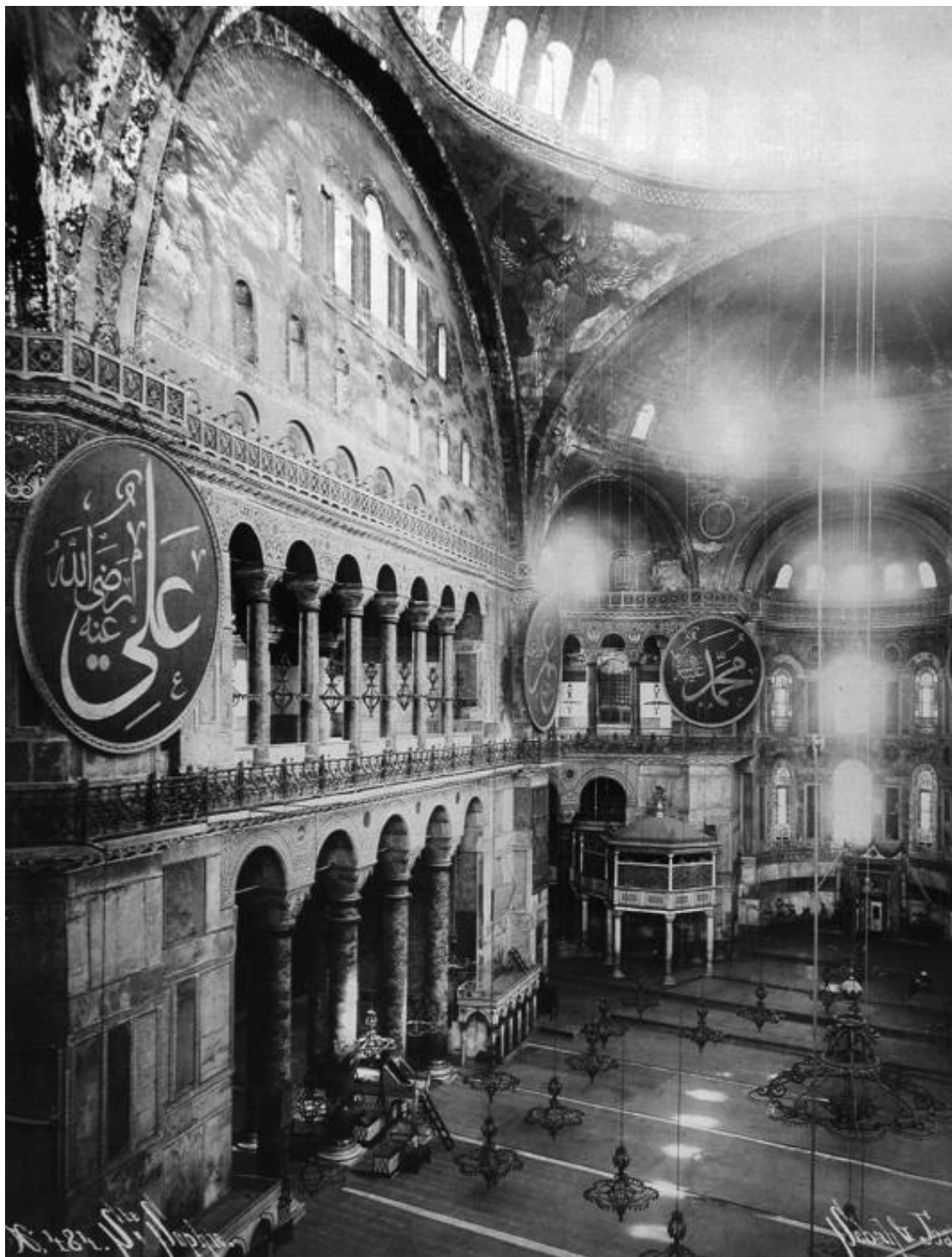
* * *

От настоящей древней Святой Софии, можно сказать, уцелел только ее чудный каменный скелет. Первый раз она основана была еще равноапостольным Константином в IV веке, но церковь была деревянная и сгорела во время одного из опустошительных византийских пожаров. Какова она была при Юстиниане, вторично создавшем ее в дни своей юной славы, повествуют нам умиленные летописцы. «Ум человеческий не может ни сказать, ни вычесть, как она велика и прекрасна», – говорили о ней наши старинные путешественники. «Император соорудил великое и несравненное здание, которому подобного не представляет история, соорудил

церковь Святой Софии, величайшую, великолепную, изящную, для описания которой не найдешь и слова», – свидетельствует современный Юстиниану греческий историк.

Ее 365 престолов были окованы серебром и золотом, покрыты драгоценными камнями; ее бесчисленные двери были вылиты из позолоченной бронзы и меди; в стены ее были проведены многочисленные колодцы ключевой воды. Главный алтарь ее был украшен золотою трапезою, осененной золотым шатром, чудной чеканки и обвешанной драгоценными венцами императоров на тройных золотых цепях. Эту знаменитую во всем христианском мире трапезу похитили во время 4-го Крестового похода венецианцы Дондоло, и предание говорит, будто бы ее и теперь можно видеть в тихую погоду на дне Мраморного моря, куда она погрузилась вместе со всеми награбленными венецианцами сокровищами во время кораблекрушения, постигшего нечестивых святотатцев. Характерно рассказывает об этом ограблении христианами христианской святыни современный ему русский летописец.

«Внидоша во святую Софию и одраша двери и рассекоша амвон, окован бо бяше весь серебром, и столпы серебряные 12, а 4 киотные, и тябло иссекоша, 12 креста, иже бяху над олтарем и межи ими шипки яко древо выше мужа, и преграды олтарьныя межи столпы, а то все серебряно; и трапезу чюдную одраша, драгий камень и великий жемчуг, а самую неведомо камо деша, и 40 кубков великих, аже бяху пред олтарем, и паникадила, и светила, все то серебряно, яко не можем числа исповедати, со праздничьными суды безценными служебными, и еуангелия же и кресты честные, и иконы безценныя, все одраша; и под трапезою сокровище найдоша, 40 кадей чистого злата, а на палатех во стенах и судохранильници неведомо колико злата и безценных суд, яко несть числа».

Интерьер Айя-Софии

Тысяча клириков состояли при этом необыкновенном храме, который по справедливости величался греками «великою Церковью». Постройка его обошлась Юстиниану около 3¹/₂ миллионов наших рублей и продолжалась 6 лет, под руководством знаменитейших зодчих того времени, Анфимия Траллесского, Исидора Милетского и Игнатия Магистра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.